

Иван Ваненко

Тисяча и одна минута.

Том 1

Иван Ваненко

Тысяча и одна минута. Том 1

«Public Domain»

1843

Ваненко И.

Тысяча и одна минута. Том 1 / И. Ваненко — «Public Domain»,
1843

«Не знаю в каком месте и в какое время, – да кажись и знать не для чего, – жил-был человек, человек Русский и с Русским именем – Пахом, да дело не в том... грамоту знал он себе сколько нужно, а кто больше его смыслил, тому не перечил – да не всему же и верил, что иной, хоть и грамотный, про заморское станет рассказывать. Если же навернется такой, что Французскую пыль глотал, да англицкую ветчину немецким калачом закусывал, да своими ногами гранил булыжник в иностранных землях, и станет разные тамошние диковинки небывалые рассказывать...»

Содержание

Начало	5
I. Сказка о царевице Иване и царевне Квакушке	7
1-я побаска царя Тафуты	9
Побаска о двух мужичках и старосте	11
Побаска о воеводе	13
Былая правда о том, как один муж у своей жены дружкой был	15
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Иван Ваненко

Тысяча и одна минута. Том 1

Стать починать, статью сказывать.

Кириша Данилов.

Гни сказку готовую, что дугу черемховую.

Казак Луганский.

Благословите, братцы, старину сказать

Как бы старину стародавнюю.

Как бы в стары годы, прежние,

Во те времена первоначальные....

Кириша Данилов.

Начало

Не знаю в каком месте и в какое время, – да кажись и знать не для чего, – жил-был человек, человек Русский и с Русским именем – Пахом, да дело не в том... грамоту знал он себе сколько нужно, а кто больше его смыслил, тому не перечил – да не всему же и верил, что иной, хоть и грамотный, про заморское станет рассказывать. Если же навернется такой, что Французскую пыль глотал, да англискую ветчину немецким калачом закусывал, да своими ногами гранил булыжник в иностранных землях, и станет разные тамошние диковинки небывалые рассказывать... то – пока он говорит про зверей невиданных, про дворцы и палаты узорчатые, про вины, каких нам во сне не пить, и про всякое съестное неизведанное – дядя Пахом ни гу-гу, слушает будто верит... а как зачнет бывалый на чужбинке врать про людей тамошних, что они и добрее наших, и ладнее живут, и больше нас все знают, и лучше суд и расправу ведут, – то дядя Пахом махнет рукой и пойдет прочь от такого рассказчика. «По мне, говорит он, что хочешь города, только на нас охулы не клади; везде есть ночи, везде есть и дни – и люди, как люди, везде одни; а где лучшего много, да хорошего нет, там худое без счету живет! – Знай в книгах толк, как дьяк, да разумеи и в каше смак, – умеи красно говорить, да умеи и на брюхо угодить; – в пустом ври себе, завирайся, а в путном назад оглядайся, что бы по потылице не вытолкали; сказку читай без указки, псалтырь по толкам.»

Таков был наш дядя Пахом, не любил, что не по нем. Пожил он в свете, был тертый калач, понагляделся, поднаторелся кое чему, знал что китайка, а что кумач, – его было трудно провести!

Бывало кто глупо совет или сделает, или еще только замахнется сделать что-нибудь неразумное да прилунится тут быть дяде Пахому, то он не станет такого бранить или там советовать да говорить как знахари книжные: это вот де не так, это вот не этак, сделай вот то-то, да поди туда-то, – а он вымолвит свою любимую поговорку: *постой-ка на минутку!* – да и расскажет тебе побасенку или присказку, а буде язык порасходится, то и целую сказку сварганит и, рассказавши, редко, редко растолкует к чему что рассказано, – а любил, что бы всякой сам смекал.

После, подстарост, дядя Пахом так пристрастился к своим сказкам и присказкам, что бывало на всякое дело у него по дюжине басен готово... да и красно ж рассказывал; сидишь, сидишь с ним – не видишь как день пройдет, – а о вечерах и говорить нечего!.. Только бывало

хочешь от него идти, возьмется за скобку, – а он молвит: *постой-ка на минутку!*.. и начнет историю... слушаешь, слушаешь – глядь, ан уж вместо минутки-то и часа нет!

И много же было охотников послушать дяди Пахома, – бывало только он дома, то в его избушке и места нет, – сидит он себе лапотки плетет, а сам тем, кто у него при лучится, сказку строчит узорчатую – да что не раз кочетком ковырнет, то и прибаутку в сказку ввернет! – У него-то я этих сказок понаслушался, которые вам теперь намерен передать, мои братцы-товарищи, – знаю я, что вы до них лакомы!.. Только буде я что не гладко скажу – не вините дяди Пахома, – он куда красно рассказывал – да мне нельзя же хорошо упомнить, так ли оно было сказано или иначе, лишь бы с толку совсем не сбиться... Дядя Пахом говорил: «Не сумеешь связать в две петли, – вяжи в одну; а узлом затянешь – и зуб не возьмет!»

А за тем я, братцы-товарищи, сказки дяди Пахома назвал *минутами*, что он бывало и в начале сказки, и в середине, и на конце иногда по разу и более приговаривал: «*постойте на минутку!*» – Если кто хочет уйти до время, всей сказки не дослушавши, – он скажет ему свою любимую поговорку, – или если лыко у него иной раз лопнет во время сказки, он сейчас примолвит: «Фу ты пропасть!.. *постойте на минуту* – возьму свежее!» а там опять пойдет читать точно по писаному...

А потому я не разделил сказки его на минуты и вполне их рассказываю, что не припомню где он останавливался, – а самому придумать, пожалуй не поверят, что он *поминутно* рассказывал, и что тут есть тысяча и одна минута!..

«Нет,» скажете вы, братцы-товарищи, «не то у тебя в голове было, – а ты думаешь, что это будет покудреватее: есть-мол *тысяча и один день, тысяча и одна ног, тысяча и один час, тысяча и одна четверть часа, тысяча и одно дурачество*, – то дескать и я назову *тысяча и одна минута!* – а другие, думал ты, поверят, что твои сказки также хороша, как и те сказки заморские!..»

– Ну, где ж хороши; я этого не думаю: ведь тысячу и одну ночь рассказывала султанша хорошенькая, на пуховой перине, под парчовыми одеялами, в палатах мраморных... а ведь дядя Пахом – простой человек, в лаптях, сидя на скамье в дымной избе их складывал!.. Название-то точно присоветовал приложит один из моих приятелей, – вот по какому случаю...

Ну да подождите *на минутку*, я после это расскажу, а дайте мне прежде сказки переписать, чтобы как чего и впрямь не запамятовать!

I. Сказка о царевиче Иване и царевне Квакушке

Начинается сказка сказываться, починается рассказываться, – извольте прослушать, кому есть время досуг, – а сказка эта без присказки, так она и уродилася; хоть это и не пригоже, да делать нечего: пришла пора рабочая, присказки поразбрелися, негде их взять! – Начнем так, как в старину сказывали.

В некотором царстве, в некотором государстве, за морем океаном за тридевять земель, – где сена не косят, огня не жгут, репы не сеют, муки не едят; где чрез реки мосты без подпоры висят; где строят дома окнами на улицу, воротами на двор, где воле раздолье, уму простор... В той-то дальней сторонке, давным-давно, жил был царь Тафута. Вы зевнете, пожалуй, да скажете, как в старые годы моя нянюшка – «и сказка вся *тута!*» – нет, люди добрые, она только починается...

Жил был царь Тафута. У него-царя были три сына богатыря; – два-то сына были крепки и рослы, что хмелина в весну, а третий-то сын, царевич Иван, был и сух, и мал, что зимою бурьян. Старших царевичей звали: первого Мартын, а второго Мирон. Был силен царевич Мартын: ходил он на волка с дубьем один; а царевич Мирон знал только стрелял из лука в ворон и по редкой промах давал, – больше они ничему не были горазды. Царевич Иван из отцовского дома почти не выхаживал и братья его за то не любили, что он с ними не бывал на их потехах и больше их слушался и боялся отца своего царя Тафуты, – хоть братья бывало звали лентяем и говорили при отце своем про брата, что он ни к чему не будет годен, что быть бы ему лучше бабой а не царевичем! – Тафута был себе на уме; любил он царевича Ивана за его тихость и послушливость и говорил сыновьям за него такую пословицу: «что мол с малиннику лыки не велики, да ягоды сладки, а с калиннику и лык надерешь, да ягоды в рот не возьмешь.»

Жили они вместе многие годы, – не пять и не десять лет; в те поры люди жили не по нашему: в пятьдесят лет мужчину женихом звали, а во сто он был добрый молодец; в двести лет бывало овдовеет да еще пятьдесят лет на другой жениться собирается, не то что теперь: муж иной лет пять, а иноместо только и годок пожил да и собирается на покой, в землянку; а жонка еще моложе ребенка, – к ней глядишь сватается другой, 7-да и другого-то она еще поманит, поманит, да третьего достанет... хоть последняя ягода иноместо и хуже первой, да будто свежей, будто вызрела заново!.. это впрочем не всегда так бывает, да к пиву едется, а к слову молвится, – кто с молоду не пытал голоду, а если худо наешься да плохо выплещешься, так и лезет тебе в голову такая дрянь: грезится все, что девушка-невеста проведет тебя – пришлет тебе с девкой чернавкой в плетеной корзинке печеного *гарбуза*¹ так такая на них досада возьмет, что так бы кажись и хотел опять воротить годы прежние, царствование Тафутово, – чтобы непременно в свой век двух жен изжить! А каковы то были жены при Тафуте – посмотрим далее...

Вот исполнились годы урочные, стал царь Тафута стареться, стали дети, сыновья его, женихами взрослыми.

В одно время, не запомню в день какой, призывает Та фута царь к себе сыновьев своих-добрых молодец; – призывает он их не пиво делать, не мед варить – призывает о деле говорить, деле нужном, деле надобном Приходят молодцы. «Что угодно родитель – батюшка?» Дети мои милые, соколы мои ясные, – говорит царь Та фута, – пришло время, наступает час, – надо мне царское бремя сложить на кого-нибудь из вас: стар я становлюся, дряхл делаюся, – глаза плохо видят, ушами не дослушиваю, – пора перемены!.. А так как в нашем царстве такой закон и порядок, что холостому царствовать не приходится, то я желаю оженить вас всех троих

¹ В Немецкой стороне, когда жениха от невесты отвадить хотят, то посылают ему корзинку пустую плетеную; а у нас, в стороне украинской, подносят такому молодцу тыкву, которую там чествуют *гарбузом*.

до одного, – и потом, смотря как вы будете уметь жить и владеть своими женами, управляться своей семьей, смотря поэтому я увижу, кто из вас будет достоин владеть моей землей, управлять моими подданными объясните же. мне теперь: желаете ли вы и где намерены приискать себе жен, а мне законных невесток?

Большой сын, царевич Мартын, говорит отцу Тафуте такую речь: «Я, батюшка-родитель, жениться не прочь, а выбирать невест не мастер; – по мне какая была бы собой покраще, да умела стряпать щи, варить кашу, – та и наша; – а впрочем твоя воля, – я пойду искать другую, если такая тебе не по нраву!» Теперь держит ответ царевич Мирон: «я, говорит он, то же, что и брат, жениться хоть сейчас готов, да и невест, кажись, приискивать нечего далеко ходить: в нашей стороне их не оберешься; – есть много красивых и девиц и вдов, будь только сам исправен-готов, а то выбрать есть из чего!»

Царевич же Иван говорит отцу: «мне, батюшка, жениться охоты нет; – а впрочем твоя воля! – выбери мне невесту сам, по твоему совету я исполню, что велишь.»

Царь Тафута выслушал их, подумал, покачал головой из стороны в сторону, плюнул на пол, утер усы, погладил бороду и повел к ним такую речь:

– Дети мои милые, соколы ясные!.. Нет, так на свете не бывает: если девицы красные сами себе, порой, должны женихов выбирать, то уже женихи и подавно! – а вы хотите, чтобы другие за вас смотрели невест; вы думаете, какая ни попала, то и ладно, лишь бы долго из нее не возиться, а поближе да поскорее взять!.. жизнь ведь пережить не поле перейти, а с дурной женой и полвека не проживешь – умайсья. Нет, это нейдет! расскажу я вам на это побасенку, как хотите, так и понимайте! (царь Тафута, хоть иным часом и не совсем складно говорил, а любил впутывать побаску, послушайте!..)

1-я побаска царя Тафуты

Пошли девки в лес по орехи; пришли к орешнику – давай набирать; все рвут с орешин по выбору, на которой больше да зреее; а одна девка увидела, что кругом кустов орехов много на земле лежат и все они крупные, лущеные; рассудила лучше их набрать, чем трудиться искать да рвать с дерева; того и гляди, говорит, еще хлыстопет по глазам орешинной! Говорят ей подруги – «эй с орешника рви! не ленись походить да высмотреть!» Она подруг не послушала, думает, что ей завидуют. Нарвали орехов девицы красные, пришли домой. У тех орехи, что орехи: стоит разгрысть, уж и ядрышко; а у ней все свищ да свищ!.. Так и вы с своей ленью повыберете себе жен, как орехов девка неразумная.

«И то!» вскрикнули царевичи, – «ну так присуди-же нам сан, батюшка, помоги своим умом разумом; мы от него не прочь. Расскажи, примерно, как бы ты на нашем месте сам поступил, а мы уж по сказанному, как по писаному, по глаженому, как по стриженому сами догадаемся!»

– Нет, сказал царь Тафута, меня никто не учил, как это делается и вы также сами должны этим делом смекать. Если выберешь вам жен, да будут чем не ладны, так мне зарок... нет, я за это не берусь; дорогу вам показать покажу, а гладка она или ухабиста, про это ведать не мое дело! – Вот вам и сани и оглобли, и конь и сбруя ратная, и узда сыромятная! впрягайте как знаете, и ступайте куда ведаете!

Поглядели братья-соколы друг другу в очи ясные, потолковали, померена ли между собою о таком деле трудном-мудреном и положили, с позволения отца-родителя, перемолвиться с старшими боярами, советниками царя Тафуты, как приступить к такой оказии.

Утром рано, чем-свет, ходят по городу трубачи глашатаые, трубят в трубы медные, играют в гусли звончатые, и выигрывают на всех семи инструментах одну речь:

«Эй бояре, эй дворяне,
Подымайтесь поране.
Покидайте сон вы свой!
Умывайтесь росой,
Утирайтесь платом белым,
Отправляйтесь во дворец –
Вас зовет к себе за делом
Царь Тафута ваш отец.»

Услышавши это, бояре и дворяне, старые и малые, новички и бывалые встали-встрепенулись, умылись, Богу помолились и отправились во дворец царя Тафуты, Тут им сделали такой разбор: кто женат, ступай на двор, а кто холостой – у ворот постой, не про него дело: речь идет о том, как жен выбрать, так холостому в этом совета давать не приходится!

Как объявили боярам в чем дело, и стали спрашивать их совета, то такой пошел шум, такая разноголосица, что хоть вон беги! Кто недавно женился, тот клянется и божится, что нет ничего в мире слаще и лучше, как женатому быть; а кто с женой-то таки на веку помаялся, говорит: «закажу другу и недругу и не пожелаю злomu татарину, променять на женитьбу холостую жизнь!» У кого из бояр были дочки невесты, или сестры девицы незамужняя те голосят: «женитесь родимые, женитесь! без жены человека хотя брось, что в нем? он ровно вино без хмеля, или голова без туловища!» А те бояры, у кого не было родных невест на примете, завопили: «нет, мы скажем слово правдивое, слушайте: если уже угодно нашему батюшке царю Тафуте оженить своих сыновей, то пусть он им выберет невест не из наших семей; мы его холо-

пья – и ему непригоже с нами родниться: а пусть царевичи привозят для себя жен из за моря, и разумных жен, и царского рода племени».

Потому ли, что последних было больше, или потому, что они кричали поголосистее других, или потому может быть, что мысли царя Тафугы были с ними сходны, – их решение было принято; только остановились на том: кому из царевичей в которую сторону отправляться за невестою. Этот спор присудили решить одному старому боярину, которого летам счета небыло и который не имел ни сестры ни дочери, ни роду ни племени; некоторые говорили, что вишь и отца-то с матерью у него добыло, а что одним ненастным днем его ворона в пузыре принесла, и так как он был совершенно беспристрастен и слыл мудрецом, то и просили его решить: что-мол тут делать и как тут быть!.. а выдумал он вот какую штуку:

Сказал мудрец царевичам: «завтра чем-свет, дам я вам совет; утро мудренее вечера, так теперь толковать нечего, ложитесь спать!»

– Мудрен мудрец премудрый, а огородил что-то нескладное, шушукали между собою некоторые из разумных бояр, – что он рехнулся что ли, – спать нас укладывает!.. и теперь еще красное солнышко не больше как на пядень от земли поднялось; какого он утра поджидает?.. Видно он и сам не больно смышлен!.. Коли посторонний что скажет, то всякой из нас пальцем покажет где что не так, а придется самому совет дать, то и станет время поджидать!.. знамая песня: чужую беду руками разведу, а к своей ума не приложу!

«Да», сказал один из бояр, «это так бывает. Расскажу я вам на это побаску, только не пустите в огласку, что бы беды не нажить»...

Побаска о двух мужичках и старосте

Быль в присказку не годится, а небылицу можно прибрать, – а кто за морем не бывал, пожалуй ее и за правду почтет.

Шли два мужичка хрестьянина православные из города в деревню; шли они весной, а может и осенью, заточно неведомо, – и шли они по гладкому месту, по большой дороге; в песке по колена, а из грязи насили ноги вытаскивали; и увидели они на той большой дороге чудного зверя: роста он небольшого, цвета карьего, на спине фуфайка, на руках рукавицы, назади хвост; и все это жестко и крепко как бы яичная скорлупа; головы нет, а вместо её два глаза, да пара усов торчит; ноги тонки и много их, а зверь вперед нейдет, а все назад пятится... Случись это у нас, то всякой и умный и дурак узнал бы, что то рак, а как это было в иностранной земле, где еще видно их и не за жива лось, то вот два мужичка-хрестьянина остановились и смотрят и мерекуют, что это де такое?.. Один говорит: «Слышь малой, это зверь портной!» А другой молвил: – И, нет сват, это сапожник!

«Ну какой сапожник?.. Ты вишь у него в руках ножницы, он закройщик.»

– Полно, сват, это точно сапожник: вишь у него у рыла и щетина торчит.

«Так врешь же, то не щетина, а то шолк сырец, чем боярские кафтаны шьют.»

– Ну и сам же ты врешь, сват: то и не ножницы, что ты там у него в руках видишь, а то щипцы-плоскогубцы, чем чеботари подошву вытягивают.

«Эх ты, голова глупая, еще спорить стал! Я пятью годами постарее тебя, так уж могу ощупью отличить от щипцов ножницы.»

– Стар то ты стар, да ума не много достал; я побольше тебя смыслю, хаживал подальше тебя, инда к лукоморью рыбу ловить; и бывало щуку с окунем хоть жареных давай различу; а уж сапожника с портным по чутью узнаю!

Завязался у мужичков хрестьян православных спор такой задорный, что хоть их водой разливай: а известно чем такие споры кончатся: давай друг друга в ухо, в другое, в третье... и пошла свалка, пока не умаялись. Да как видят, что друг другу носы поразбили? а верьх ни чей, пошли друг на друга с жалобою к старосте, а место, где предмет их спора, рак барахтался, хворостинкой заметили.

Староста, к кому наши мужички пошли с жалобою, был хоть не во всем большой знаток, а ино-место имел смысл и крюк ввернуть и сам вывернуться... Да вот раз, примерно: пала на него очередь рекрутская повинность, надо было сына в прием везти, а он выдал свою сестру Матрену за служивого, да на мирской сходке и объявил всем: не только-де из моей семьи один пойдет, а все, сколько ни родит сестра Матрена, хоть бы десятеро, все будут слуги Царские... За это умное дело ему всем миром присуждено по гривне с тягла дать да по мотку ниток с каждой бабы жене его. Так к этому-то голове-старосте явились наши мужички-хрестьяне православные и рассказали все, как что происходило.

Староста качал, качал головой, гладил, гладил бороду – этакое случая у них и не случалось: кажись мужички оба не пьяные и не на кабаке, а оба в своем виде, терезвые... и где же на большой столбовой дороге подраться вздумали О... Ну, если бы на эту пору Исправник ехал?.. так и самому бы старосте такой напрягай дал, что охти мне!.. Да опять, из чегож спор и драка?.. из мастерового человека!.. Это следовало бы ремесленной управе разрешить что там такое было – сапожник или портной.

«Пойду, сказал староста, пойду и посмотрю сам: правого оправлю, а виноватому спуску не дам! позабудет он у меня подымать шум и гам!»

Повели старосту наши мужички-хрестьяне православные, где рак лежал, привели к месту, где хворостинка воткнута, показывают на рака; а тот грешный все еще на одном месте

копышится; только так в песке извалялся весь, что и сам заморский знахарь не узнал бы, что это за птица такая.

Староста подошел к раку, посмотрел на него со всех четырех сторон, и с боков, и сзади, и спереди... не может ни узнать ни придумать, что это за штука! Взял староста хворостину, перевернул рака на спину... Фу ты батюшки!.. еще мудреней! ног там видимо не видимо и все вместе, точно узлом завязаны, и все ворочаются так, что и сесть нельзя, инда жутко стало старосте; обернул он рака опять по-прежнему, и опять над ним призадумался.

Народу тьма толпится кругом рака и старосты, глазают, и рты поразинули, и языки повысунули, будто в самом деле диво какое тут дется...

– И староста не знает!.. и староста не знает! стали люди шептать промеж себя. Староста услышал и тотчас опомнился, словно на него ведро холодной воды вылили: пожалуй, думает, глупый народ скажет, что я ничего не знаю и ничему не горазд!..

И вдруг захохотал наш староста, и начал говорить двум мужичкам-спорщикам и строгим и насмешливым голосом: «ах вы дураки, болваны этакие!.. какой это портной и какой сапожник!.. разве от него пахнет варом, или разве есть у него за ушами толк замотанной?.. Я сей час вижу и сей час узнал, что это такое, а дивлюсь вам дураками!.. это видишь... либо старый голубь, либо молодой медведь!.. а вы не знавши не спорьте!..» И велел староста рака грязью заматывать; а мужичков хрестьян православных откатать батогами, чтоб они чего не знают, о том не спорили.

Когда боярин кончил побаску свою, кто посмеялся, а кто поза дума лея; а нашелся один, который и против вымолвил.

«Хлеб-соль ешь, а правду режь; семь раз смеряй, а один раз отрежь; прячешь, так помни куда кладешь; смотри глазами, что в рот несешь; не ври на обум, чего не ведает ум!»

Есть у меня тоже побаска коротенькая; а она еще и не побаска, а просто быль; может многие из вас, кто в тот век жил, ее и припомнят.

Побаска о воеводе

Была, жил один большой Воевода, в стороне, до которой, между прочим, теперь дела нет: был этот Воевода и умен, и смышлен, и на все горазд по своим делам, да немножко хитрить любил: наровил всякого по своему аршину вымирить, что бы в каждом было и росту и дородства и ума сколько в нем самом! Не любил он кто с разу на его вопрос ответа не даст; что бы он ни спросил, хоть соври да скажи в туж минуту без обиняков, а нето после и на глаза не кажись! Ведь хорошо ловкой, расторопной малой попадетя – оно не-что! Как, примерно раз... (дело было во время войны и Воевода сам своими солдатами командовал, и были спи на земле неприятельской) идет Воевода, сам все осматривает; видит стоит часовой, парень молодой, – увидел Воеводу, вытянулся и честь ему *отдал как* надобно. Воеводе пришло на мысль испытать солдата, дать ему задачу трудную, поставить в тупик, что бы он ответил: *не можем знать!* Подшел Воевода к часовому, спрашивает:

«А что, служба, знаешь ли неприятельский язык?»

– Знаю, отец-командир.

«А ну-ко, скажи-ко, какой же он?»

– Такой же красной, как у собаки! – отвечал солдат.

Воевода так и покатился со смеху. Солдат ловко соврал, да и дельно сказал: гдежь ему, солдату, всякой язык-говор понять; он только тот и знает, что во рту торчит.

Так и все поступали, делали, а кто новичек попадетя, сейчас школили как и что отвечать, когда Воевода вопрос задаст.

Попался один новобранец-служивый, дурак не дурак, а так, взбалмашной; что его ни спросят, он, не подумавши, бухнет словягу совсем не-в-попад. Страх взял его командира: попадетя, думает, этот новобранец Воеводе, спросит тот что-нибудь, не скажет он ему ни скоро ни толковито, достанетя и мне на орехи, зачем дурака в службу взял!.. И точно: велят к смотру готовиться, слышно едет Воевода полк осматривать. Старые солдаты туда-сюда, уж попривыкли, смекают как где ответ держать, если Воевода что спросить вздумает; а Командир бьется с новобранцем, учит его, муштрует и какой вопрос ни задаст, тот ему одно, или *не знаю*, или *не ведаю!*.. Придумал Командир ответы сам. «Смотри, говорит, думаю Воевода больше тебя не спросит, как только: – сколько тебе от роду лет, долго ли служишь и знаешь ли службу; – хоть на это хорошенько ответь. Примерно спросит он: сколько тебе от роду лет? отвечай: *тридцать*; давно ли в службе? говори: *десять*; спросит – *службу* знаешь? скажи: *отчасти*.» Толковал, толковал Командир новобранцу эти ответы, насилу тот затвердил, их попорядку на память, как сорока: *тридцать, десять, отчасти*; выучил их...

Вот приехал Воевода, начал полк осматривать; спросит того, другого – все скажут, как отрежут; подошел к новобранцу, видит рослый красивый парень, захотелось ему и его спросить; посмотрел ему в глаза, спрашивает: «кто ты такой?» Мясся, мясся наш новобранец, думает, что ни один из затверженных ответов к такому вопросу приладить нельзя, он придумал свой и сказал: солдат!

«Это я вижу!» прибавил смеясь Воевода, – «а давно ли ты в службе?»

– Тридцать.

«Вот!.. А много ли тебе от роду?»

– Десять.

Воевода уставился на него и спросил серьезно: «Да ты дурак что ли?»

– Отчасти! – отвечал новобранец, и сделал от Воеводы направо-кругом, думая что сказал все, как надобно.

Не знаю сказал ли спасибо Воевода Командиру, который новобранца так хорошо выучил.

«Так вот, други, прибавил боярин, не надо ни на кого пенять, кто затеет прежде подумать, а потом сказать; дума кума, не лишит ума, а сбухты-барахты дельно не скажешь!»

И с этим боярином половина народу согласилась, а половина противуречила. Люди таковы исстари, под один лад их не выстроишь, что одному нравится, то другому хоть на улицу брось!

Пока так бояре толковали, да калякали, глядь, а солнышко уж прямо над маку шеи; голова вспотела, ноги отдыху захотели, а брюхо шей просит. Поплелись бояре по домам поесть, понять, да подождать чему следует быть. Пришли домой; а жены их уж ждут у ворот, что галчата матери, разинувши рот: – что-де такое у Царя подеялось, зачем он мужьев созывал?.. А как разузнали, что дело о свадьбах шло, так и заголосили, и завопили мои бабы... «Да что же это? Да к чему это?.. Да мужское ли дело о свадьбах судить и рядить? Да на что же бабы и рождаются, как не свадьбы сводить?.. Вот, кричат, будет толк, как мущины свахами станут, наделают дела не мало, пожалуй и женатых переженят сначала!..»

А одна баба не вытерпела, таки привязалась к этому слову... Да вот, говорит, раз что и случилось:

Былая правда о том, как один муж у своей жены дружкой был

Жил в нашем городе человек Агап; всем он был парень как парень, да одним слаб: любил он пиры да банкеты, хоть уж ему бы и не под-леты, годов ему было около сорока, а где бы ни подошла рука, пир знакомый или чужой, он идет как на свой. Но как знакомых-то пиров было не много, а на чужих-то нередко поворачивали носом к порогу; то он и ухитрялся всегда как-нибудь втереться: коли поминки, он кутьи несет, коли родины – каши припасет, а уже все как-нибудь добьется, что его посадят и на последнюю давку, да все таки придется поесть сладко, хоть последнему чарку поднесут, а все таки мимо не обнесут! А пристрастился он к свадьбам всего больше, оно и пир-то веселей да и идет-то дольше, и, напоследях так привык, что как-то раз месяцев шесть свадеб не было, так он женился сам, чтобы хоть у себя попить.

Вот – и женившись не оставил своей привычки по свадьбам ходить: а как хорошенько понаторел, как разузнал, как и где на свадьбе какой порядок ведется, то попал в такую знать, что все сами начали его в дружки звать.

Опостылил он за это всем деревенским бабам: без него, бывало, ни какая сваха и свадьбы не затевай, глядишь отобьет, и жениха с невестой сведет, и свадьбу смастерит, и тут же сам дружкой сидит, Озлились на него бабы, совсем хлеб отбил разбойник! – Ну, мужское ли это дело, – все только плевали да ахали, как он бывало концы сведет! И проворен же был, пострел!.. Свадьбу ему бывало свертеть, как в иглу нитку продеть!..

Ну вот бабы за ум взялись, вместе собрались и положили между собою, во что ни стало, отвадить, отучить молодца свадьбы стряпать. А как это сделать, чтобы он носа не показывал на свадьбы вперед, что бы даже, где прилучится свадьба, бежал от тех ворот!.. выдумали старухи штуку злую, эхидную; пригадали такую вещь, что в пору иному подъячому; да, как бы вы думали? присудили всем сонмищем: выдать снова его жену за другога, и что бы он же тут сам заведывал пирушкою сам бы был и сватом и дружкою!..

А надобно вам еще вот что заметить, честные господа, оно хоть это известно всякому, да не всякому взапримету придет: буде кто женился да взял жену-бабу молодую, так уж смотри в оба: не часто по гостям гуляй, а почаще дома бывай: а не то, коли ей долго мужа заждаться придется, то того и гляди, что другой навернется!.. Так и над нашим Агапом стряслось, и ему довелось испытать такую же историю.

Там пир-свадьба, там поминки, там родины с крестинами, а там опять сватанье затевается; а Агап везде тут, как тут, бегаёт высуня язык, раскрывши рот, некогда и к жене завернуть от хлопот! Баба молодая, одно то, что скука одолела злая, а другое то, что все люди гуляют, веселятся... там свадьбу свели, там родили-крестили, а ее будто и позвать забыли, будто ей и нельзя веселиться, будто она лишняя спица в колеснице!.. «Чем же я других хуже?» и взяло ее зло на мужа...

Раз она сидит так да думает себе на уме: не пойдти ли к куме? не спросить ли совета, как бы ей уладить это, что бы ей быть не прочь от людей?.. Хоть бы дома завести знакомых да пожить веселей!..

Вышла за ворота, а на ту пору идет парень подле забора да зевает по сторонам.

«Видно ему скучно, одному несподручно, так же, как и мне, не пойду к куме, а позову лучше доброго молодца да на-досуге с ним покалякаю!»

Она смотрит на парня, улыбается, а он снял шляпу и кланяется. Так продолжая, он шаг за шагом к ней подошел, да слово-за-слово и речь завел... ну уж тут и пошли лады!.. Если молодой парень да сойдется с бабой молодой, да надосуге глаз-наглаз разговорятся, так не разольешь и водой, пегоде самим догадаться да скорей разойтись.

Кума, к которой было жена Агапа в гости пошла, видно и сама догадлива была, сама к ней в гости отправилась... Пришла. – Что за притча? ворота заперты!.. Что это значит: неужели Агап жену с собою взял?.. Кажись прежде он этого не дельвал?.. Только глядь, – дай еще попытать, точноть ворота заперты – глядь, ан они изнутри щеколдой заложены... А, видно она дома да уснула со скуки! давай стучать.

Постучалась кума таки довольню, а домой не ушла: надо было проведать? что там делается.

Вот погода немного дверь с надворья скрипнула... Кума притаилась и слушает, а Агапова жена что-то такое чмок-да-чмок, да и молвила: «Ну, бегиж чрез плетень!» а сама к воротам пошла.

Отворила их; а кума и лезет к ней и целует, и обнюхивает, и спрашивает, все за один прием.

– Али заспалась, моя красавица?

«Да, Спиридонова, соснула-было; такая скука взяла.»

– Ну, за то видно сон хороший видела: вишь как глазки-то разгорелися!.. Да и сама как в огне.

А парень-молодец хотел было через тын перескочить, да не потрафил и повис, головою вниз, зацепившись кафтаном, да так там шумит, барахтается.

– Что это? – кума спрашивает, – то не сон ли твой все еще возится?

Вспыхнула бедняжка Агапова жена, еще лгать-то видно не в привычку было.

«Это, говорит, корову в огород пустила, так видно запуталась... Войди пока кума в избу, а я пойду отвяжу ее!»

Вошла кума, вернулась и жена Агапова.

– Ну, – говорит ей Спиридоповна, – видно ты не коровушку-буренушку, а козла в огород-то запрягала?.. а?..

«Что ты, кума, полно шутить, какой там козел!»

– Да вот я по привязке узнала, что тут рогатый придет...

Подняла кума с пола кушак да и показывает. Некуда деваться, пришло сознаться-покаяться...

«Только, говорит, никому не говори; а точно был знакомый один, да такой хмельной, что и кушак позабыл!»

И давай жена Агапова куму угощать, и тем и этим чествовать, словно и впрямь на свадьбе употчивала. Как пошла кума со двора, она ее и за ворота выпроводила, и все крепко на крепко наказывала про гостя хмельного дело на уме держать, а никому не сказывать.

Да, как бы не так, слово не воробей; сказано: бабий язык... да сами знаете!

Кума сей час всем кумам по секрету, которого у баб нету, всем рассказала, как размала... из каждого слова, спеша да скороговоркою, вывела по речи с приговоркою!

А на ту пору это и прилучилося, как прежде сего сказано, что уже все старые бабы стоворилися Агапу насолить, его жену на другом женить. Так теперь они так радехоньки этой okazji, как голодной Кирюшка пудовой краюшке. А на ту беду где-то еще свадьба прилунилась, а ведь у нас свадьбы в деревне не то что у вас в селе: у нас, три дня пируют, да неделю голова с, похмелья болит; опять Агапу хлопот полон рот. Порается он на чужой свадьбе, а ему другую затевают недобрые...

Пристали все бабы старые к Агаповой жене: «смотри же ты, слушайся; выходи замуж за парня тебе милого, брось своего мужа постылого! Да пес ли в нем! он дня дома не живет, да и ночью нейдет, что тебе в самом деле мучиться!.. Ты после ничего не бойся: в другую деревню уйди; а Юрьев день наступит, так с молодым мужем можешь в любое место перейти!»

Делать нечего, баба согласилась; на время к куме переселилась; тут ее снарядили; одели так, что куда-те самой старостихе; а жених знакомый парень, что кума за козла почла, радехонек: по нраву ему пришла видно лепешка здобная, по вкусу попался мяса кусок!

Наш Агап на свадьбе званой пирует, а того не чует, что доведется попасть на незваную.

Сидит он вросхмель, уж третий день званой свадьбе идет!.. Шасть в избу старуха. «Батюшка, Агап Патрикеевич, сделай нам честь, помоги концы с концами свести!.. Сосватали мы было без тебя свадьбу, и снарядили совсем, и уже молодых к венцу ведем, а порядка никто не умеет дать, не знает где что делать и что сказать.»

Усмехнулся Агап; погладил бороду, потер усы: – «что, говорит, видно без меня не обойтись-таки!.. то-то и есть, говорил – отдавайте честь нашей милости! а без нас не будет толку и у вас!.. ну да пожди, старуха, горю пособлю; здесь почти управился и вас повеселю; так и быть, видно хоть в-мочь-не-в-мочь, а приходит добрым людям помочь!»

Выпил еще стакан вина и старухе велел поднести; потом встал, с старыми молодыми раскланялся и к новым на новый пир отправился.

Там его и ждут; все готово, хоть сейчас подъезжай!.. Подходит к воротам – его и в избу не ввели, а прямо подводят лошадь верховую; он не поартачился, тотчас сел, и не взглянув на молодых поскакал порядок давать, поездом заведывать.

А на дороге, вестимо, встречного, поперечного угощать надо, как следует – это дело ведется самым дружкою; а дружка Аган, хоть и чует что слаб, а всеж себя чаркой не обносил, да уж под-конец так себя накопил, что насилу, насилу на копе сидел.

Как привезли молодых перевенчанных, дружка Агап стал их еще чаркой чествовать... да и всматривается... «Что за не добрая мать!.. Вишь, говорит, как замутило, так все жена в глазах и мерещится!.. А точно, не всеж и мне пировать, пора и домой побывать, чай жена дожидается!.. Видно шибко думает: вот-было я сейчас эту молодницу за нее принял!»

Пришел Агап домой больно употчиванный... Едва говорит вошедши в свою пустую избу... «Ну жена, не зажигай огня, не тревожь меня... завтра все расскажу, как пиры шли и прочее!..» Взвалился на лавку и захрапел на всю избу.

По утру хватъ Агап жены, поразказать как что деялось, ан некому!.. Туда, сюда... выскочил на улицу, а там стоят бабы да покатываются сосмеху, да пальцами на Агана показывают, и всю беду ему же вслух рассказывают.

Что делать бедняге?.. Он было с жалобой... Ап ему и сказано: – что мол женатому так жить не показано, как ты жил; вперед от дому не бегай и пиров не ищи, свадеб не своди, домой чаще ходи!

Бедный Агап кой как добился, дожил до Юрьева дня, когда, знаете, в стары годы, мужички переходили на другие места, и с тех пор про него ни слуху ни духу!..

А все это правда была: старуха, что Агана извела, она и пересказывала; да с тех пор, говорит, и пословица меж людьми идет, вот-те бабушка и Юрьев день!

«Так вот, прибавила баба, какая случилась история!»

Как бабы ни толковали ни мерекали, но как вам уж я докладывал, что в той стороне баб не больно слушали, то ихняя все речи позабыть пошли.

А на другое утро раным-ранехонько вышла потеха мудреная у царя Тафуты: мудрец всю ночь на картах гадал, да бобы разводил, так еще не успевши ни умыться ни пригладиться, явился к царю.

И царевичи тоже давно повставали и ждут толку какой им дадут. То есть им хоть не то, что жениться очень бы хотелось, а хотелось счастья попытать, разузнать все как было и чего ожидать.

Приходит мудрец к царю Тафуте переж всего; приходит, царь Тафута к нему выходит.

– Что-мол как дела?

Мудрец говорит такое слово:

«Царь великий и милостивый! тебе я чаю давно, известно и ведомо, что женитьба не шутка, а жутко, что женитьба дело великое.... Дурная жена самому не понравится, а хорошая чужим приглянется, одно уж и это становится в тупик!.. А всем надо попробовать: не разгрызешь ореха, не съешь и ядра, и эта пословица мудра да шишковата!.. Впрочем удастся квас, а не удастся кислые щи; а все таки на мне не взыщи: я так на бобах развел, да по картам выгадал, эдакого хитрого дела не сведешь иначе; как ни хитри ни мудри, а надо на авось надеяться!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.